

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЁВА «КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ»

© 2012 г.

Е.В. Никольский

Московский государственный университет геодезии и картографии

eugenius-08@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.01.2011

Рассмотрен первый исторический роман Всеволода Соловьёва «Княжна Острожская», выявлена специфика восприятия автором католичества, которое трактуется в данном произведении как явление сугубо отрицательное и органически неприемлемое для восточнославянской культуры. Делается вывод о тенденциозности романиста и высказывается предположение, что «Княжна Острожская» является идеологическим романом.

Ключевые слова: авторское мировосприятие, историческая проза, католичество, православие, магнаты Острожские, культовое искусство, религиозно-философская проблематика произведения.

Первый исторический роман Всеволода Сергеевича Соловьёва (1849–1903) «Княжна Острожская» – произведение многогранное, и его анализ предполагает выявление конкретных проблем. В настоящей статье мы хотели бы детально рассмотреть своеобразие его религиозно-философской проблематики и раскрыть видение автором специфики западного и восточного христианства и межконфессионального конфликта во второй половине XVI века. В романе «Княжна Острожская» отражена только предыстория¹ религиозных распрей между православной и католической церквями. Всеволод Соловьёв подробно не описывает трагедию межконфессионального конфликта, но детально характеризует духовное состояние представителей двух исповеданий.

Автор показал, что XVI век был кризисной эпохой для всего христианского мира. Основными недостатками православного общества в XVI веке были мракобесие, разобщённость, а также оскудение веры и благочестия; а католического – вероломство и жестокость. В соответствии с данным подходом строится основное историософское содержание произведения. Писатель не только разработал оригинальный сюжет², ввёл в текст произведения свои отступления-размышления, но и создал своеобразную систему персонажей романа, то есть художественно целенаправленную соотносённость всех ведущих героев и всех второстепенных действующих лиц в литературном произведении. Че-

рез систему персонажей выражается авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом, историей и религией, а также о типах самого человека в связи с различиями рас, национальностей, сословий, профессий, конфессий, темпераментов, характеров, социальных ролей, психологических установок и идеологических позиций. Следует отметить, что отрицательные стороны жизни православной церкви в «Княжне Острожской» были показаны в диалогах второстепенных персонажей романа; проблемные стороны католицизма выявлены писателем путём создания негативных образов героев-католиков: иезуита о. Антонио, княгини Беаты, короля Сигизмунда II Августа.

Всеволод Соловьёв показывает, что, кроме главных героев (князя и княжны Острожских, князя Сангушко), все остальные христиане весьма далеки от идеалов Евангелия. К примеру, описывая состояние православной паствы в Литве и западнорусских княжествах, романист отмечал: «...хотя в XVI веке Православие в Литве было государственной религией, огромная масса народа только по имени могла считаться христианами. Не только в глубине страны, но и в деревнях, находившихся вблизи городов и соприкасавшихся с городской жизнью, царили совершенно языческие понятия и верования, которые в течение многих веков оставались неискоренёнными. Православных церковью было много; но сельское духовенство не имело

никакого влияния на свою паству: идолы и языческие праздники оставались нетронутыми». [1, с. 15]

Из диалогов второстепенных персонажей писатель выявляет основные недостатки представителей православной церкви (как клириков, так и мирян): отсутствие единства и ответственности за ближних перед Богом. Так, например, в первой части романа в главе, посвящённой описанию празднеств по случаю дня ангела Константина Острожского, приводится диалог гостей князя, размышляющих о «повреждении нравов» в православной церкви: «И срам-то какой: духовенство православное так и лезет в Краков с жалобами друг на друга... Эти пастыри духовные, столпы нашей веры, ругаются, как псы, тайно задаривают дьяков королевских, ищут как бы извести друг друга» [1, с. 51]. В одной из сцен первой части романа второстепенные герои, православные шляхтичи, рассуждают о духовном состоянии своих священников: «...что такое наша вера святая, что отдают её на посмешище и позор великий?.. И сами пастыри духовные чинят всякие беззакония. И год от года все хуже и хуже. Сначала один волк был, львовский епископ Арсений, тот, что грабил и разорил весь монастырь Уневский, а теперь... каждый епископ, каждый архимандрит – зверь лютый и разоритель...» [1, с. 54].

Князь Константин Острожский, вслушиваясь в диалог шляхтичей о церковных проблемах, говорит, что причина всех неурядиц христианских обществ в том, что сами люди далеки от идеалов евангельской правды. Обобщая высказывания своих гостей, он добавляет своё мнение о происходящем: «... не забывайте, что дело церкви Божьей – прежде всего, дел человеческих. А это совсем стали забывать православные люди. Много зла не от нас, но главное зло от нас, в наших душах оно пустило свои корни... Зло тяжёлое и истинная погибель наша – оскудение в нас веры и благочестия» [1, с. 53].

Нравственное разложение и невежество были характерны для восточного христианства тех лет. В XX веке об этом явлении писал историк русского богословия, протоиерей Георгий Флоровский: «Современники с горечью говорили о «великом грубиянстве и недалекости» местного клира... Политические вопросы интересовали западнорусских епископов много больше, чем вопросы веры, – и вместо богословия учатся хитрости человеческой, адвокатской лжи и дьявольскому празднословью» (отзыв Иоанна Вышенского)... XVI век кончается... отпадением в унию». [2, с. 31]. Таким образом, картина быта и нравов, описанная Соловьёвым в произведении, находит своё подтверждение в документальных исторических материалах.

Исторически все эти детали верны. Первая половина XVI века и последовавший за ней предунитатский период характеризовались значительным оскудением благочестия и веры среди высшего и среднего духовенства православной церкви. В этот период участились лихоимство, вооружённые грабежи (в терминологии того времени – «наязды») отрядов, подчинявшихся епископам, процветали nepотизм (покровительство родственникам в ущерб общим интересам церкви), взяточничество, казнокрадство, распутство... Интересы народа и собственно церковные нужды мало интересовали тогдашних владык. Печальное положение православия в западнорусских землях описали известные дореволюционные историки Д. Бантыш-Каменский, С. Соловьёв, московский митрополит Макарий (Булгаков). Об этом же пишет и современный украинский исследователь К.Е. Дмитрук. Таким образом, размышления Вс. Соловьёва о пороках восточного и западного христианства той эпохи находят своё подтверждение в исторических источниках тех лет.

В произведении Вс. Соловьёва всему этому противостоял Константин Острожский, который пытался сохранить нравственные устои. Жизнь в его владениях романист описал в первой части романа: «Всеми, живущими в замке, соблюдались посты, исправно посещалась церковь, неумолимо преследовалось пьянство. Князь Константин видел только скромных женщин, приличных и почтительных мужчин. Он не мог не понимать, что многие его обманывают и тяготятся его присутствием и надзором: но он знал, что им употреблены все меры, что он сам подаёт добрый пример и что даже его враги не могут сказать, что в доме князя Острожского безнаказанно и открыто терпится разврат и бесчинство» [1, с. 89].

Моральное состояние представителей католической церкви тоже оставляет желать лучшего. Писатель показывает практически полное отсутствие духовной жизни иезуитского монаха и тупой фанатизм княгини Беаты Острожской.

В предисловии к роману Вс. Соловьёв писал: «А с запада надвигалась страшная, чёрная туча – в Риме уже давно зорко следили за Польшей и Литвою, давно уже решили попробовать самые яркие средства, чтобы укрепить шатавшуюся власть папы в Польше и подчинить той же власти Литву Православную. Сбирали дружину непобедимую для завоевания Востока, дружину, невидимые стрелы которой насквозь пропитаны смертельным ядом, дружину, созданную адскою силою и святотатственно носившую имя Иисуса» [1, с. 6].

Описывая состояние католицизма в то время, беллетрист основное внимание уделяет не столько духовной стороне, сколько эстетическим и нравственно-психологическим аспектам этого сложного и неоднозначного явления. В первой части романа мы встречаемся с описанием каплицы (домашней часовни) княгини Беаты: «Странное и таинственное впечатление производила каплица в мягком сумраке лампад... Несмотря на точённое из слоновой кости распятие, поставленное на алтаре и теперь едва видневшееся из-за пышных гирлянд и букетов, трудно было вообразить себя в христианской молельне. Каплица княгини скорее походила **на языческую божницу, посвящённую какой-нибудь богине** (выделено мною. – Е.Н.)» [1, с. 68].

Данное замечание писателя позволяет нам раскрыть его восприятие католичества через отношение к культовому искусству Римской католической церкви. В связи с этим нам бы хотелось вспомнить мысли об искусстве эпохи Возрождения, высказанные православным мыслителем и священником о. Сергием Булгаковым, который считал, что Ренессанс создал искусство человеческой гениальности, а не религиозного вдохновения. Его красота не стала воплощением святости, а реализовалась как двусмысленное и демоническое начало, которое лишь прикрывает духовную пустоту. Согласно его взглядам, про такую красоту «...нельзя сказать, что она спасает мир, ибо она сама нуждается во спасении...» [3, с. 106].

По мнению философа, эта негативная (с духовной точки зрения) тенденция коснулась, прежде всего, художественного осмысления образа Богородицы: «В изображении Мадонны неуловимо ощущается действительно мужское начало, мужская влюбленность и похоть... И эта фамильярность с божественным, это мистическое обмирщение подготовили то мистическое обмирщение, торжество языческого мироощущения, жертвою которого стали деятели Ренессанса. Красота двусмысленная и обольстительная, розовым обманом застилает мир духовный, искусство же становится магией красоты». [3, с. 108].

В романе «Княжна Острожская» Вс. Соловьёв подробно описал католическое изображение св. Девы Марии: «Особенно неприятно поражала фигура, стоявшая на пьедестале и составлявшая гордость княгини Беаты. Эта была присланная из Италии кукла, почти в рост человеческий, необыкновенно искусно вылепленная из какой-то плотной массы, художественно раскрашенная со всеми оттенками человеческой кожи... Лицо было нежной, идеальной красоты, с несколько бледными и полуоткрытыми губами.

В полусумраке эта фигура казалась призраком. При свете дня всякий посторонний принял бы её за покойницу, роскошно убранную и кощунственно поставленную на пьедестал» [1, с. 69].

Сопоставляя это описание и размышление о. Сергея Булгакова, можно отметить несомненное сходство мыслей писателя и философа, неприятие католицизма которыми носило характер твёрдого убеждения. Подводя итоги своим размышлениям, о. Сергей Булгаков отмечал, что живопись и скульптура Римской церкви эпохи Возрождения являются свидетельством духовного состояния западного мира более убедительным, чем иные формы духовной культуры. О том, что искусство лучше всего отражает состояние души человеческой, известно со времён античности. О том, что церковная живопись может быть показателем духовности её творцов, писал историк иконописи Б.А. Успенский: «Там, где исповедание веры нарушено, искажён и церковный строй, искажено понятие образа и сам образ. А это именно в образе наиболее убедительно выражается, потому что наглядно показывается не только истина, но и всякое её искажение. Слова могут быть одни и те же, но образ есть наиболее яркое обличение всех искажений и отступлений от святоотеческого предания» [4, с. 629].

Согласно православному вероучению, любое отступление от правил и норм духовной жизни связано с гордостью, которая может принимать любую личину. О духовности княгини Беаты, Вс. Соловьёв пишет, что её вера была фанатична и она считала унижением входить с православием в какие-либо компромиссы. Например, раскрывая сущность «молитвенного делания» княгини Беаты, того, как она обращается к Богу³, Всеволод Соловьёв писал, что «молитва её не успокаивала, а **возбуждала: её щеки пылали, а глаза светились недобрым огнём**. Казалось, она молилась Богу ярости, призывая Его свой гнев и кару обрушить на мир «еретиков и схизматиков», один вид которых вызывал у неё *прилив ненависти* (выделено мною. – Е.Н.)» [1, с. 89].

Этот способ молитвы, безусловно, чужд духу христианства, религии любви. По наблюдению современного православного богослова-патролога, в отличие от язычества и религии ветхозаветного Израиля, Отцы Церкви строго запрещали всякого рода проклятия (даже на головы врагов), категорически не советовали молиться против кого-нибудь, а в молитве за других, согласно их советам, следует «...просить только того, что просишь для себя, т.е. преимущественно благ Небесных и духовных» [5, с. 192]. Введя в текст романа эпизоды молитвенной практики княгини Беаты, автор ещё

раз подчеркнул не христианскую (евангельскую), а языческую основу её миропонимания и отношения к другим людям.

В этой героине писатель раскрыл душу человека, забывшего основной завет Христа: «Возлюби ближнего своего, как самого себя», основу основ христианской нравственности. Место милосердия в её сердце заняли политические и конфессиональные предрассудки, воспринимаемые ею как истина в последней инстанции. Внутреннее состояние княгини Беаты пагубно сказывалось и на воспитании её дочери, Гальшки, терпевшей от матери множество унижений и оскорблений. Как бы в противовес «благочестивой и богомольной», «униженной и оскорблённой» княгине Беате Вс. Соловьёв в романе представил её дочь Гальшку, княжну Елену Острожскую. Её молитва не была омрачена земными плотскими чувствами: презрением и ненавистью к ближнему, а была наполнена искренней любовью и доверием к Богу Всемогущему. О её душевном состоянии во время домашнего ареста в имении матери Вс. Соловьёв писал: «В душе её нет жгучей боли, ядовитого, разрушающего страдания. Время и молитва спасают её. Горячая вера в Бога и чтение житий святых отгоняют от неё чёрные мысли, соблазнительные мысли о самоубийстве. Нет, нужно жить, коли Бог не хочет послать смерти, нужно стараться безропотно нести свою долю, несмотря на всю её тяжесть... Ей хотелось бы уйти в какой-нибудь уединенный монастырь, где никто и ничто не потревожили бы её уединения» [1, с. 139].

Главным антагонистом княжны Елены Острожской стал иезуитский священник. Всеволод Соловьёв в первой части романа сообщает, что Антонио Чеккино принадлежал к одному из старых родов Италии. Он вырос в блестящем обществе, отличался красотой и ловкостью. Уже в первые годы молодости он приобрёл известность как смелый рыцарь и покоритель женских сердец. Он был типичным представителем рыцарства своего времени, полагавшим всё призвание и цель жизни человека благородного происхождения лишь в «...военно-театральных подвигах и чувственной любви, прикрытой платонической маской» [1, с. 38].

В «Княжне Острожской» романист описывает весь жизненный путь отца Антонио от пострига в иезуитском ордене до самоубийства в тайном подземелье монастыря в Вильно. Как в духовном плане, так и в социальном Чеккино – полный антипод княжне Елене. По сути, он вообще лишён какой-либо глубокой религиозности. Вся его деятельность была предопределена не высокими мотивами, а тщеславием и желанием занять значимое место в мире сем. Вступ-

ление Антонио Чеккино в монашеское братство было продиктовано не желанием духовного роста и обретения мира и гармонии с Богом, а сугубо прагматическими целями. По замечанию автора, «его самолюбие и честолюбие получили совершенно иное направление – ему хотелось удивить отцов-иезуитов подвигами своего смирения» [1, с. 41]. Согласно характеристике Всеволода Соловьёва, отец Антонио увидел, что школа умерщвления плоти и беспрекословного послушания не только Папе, но и воле ближайшего орденского начальства должна привести человека не к высшему служению Богу, а имела единственной целью сделать из иезуита сильное орудие для достижения совершенно земных целей. Обращение народов в латинство, «...полное владычество «общества Иисуса» над умами и материальными средствами ближних – вот в чём состояла программа, поведанная Антонио генералом ордена» [1, с. 42]. Характеризуя духовную жизнь героя как человека довольно неглупого и образованного, но привыкшего ни в чём себе не отказывать, писатель замечает, что эта школа сделала из него циничного и порочного человека. Весьма тяжёлым испытанием для него оказалась неразделённая страсть к княжне Елене. Отец Антонио, давно позабывший соблазны мира, прошедший школу умерщвления плоти... полюбил княжну Елену со всем жаром своей страстной природы. Он ясно понимал, «...что Гальшка не видит в нём мужчину. Это сознание было для него ужасным. Даже одна мысль, что он не может ею обладать, приносила ему нестерпимое страдание» [1, с. 45].

Оценивая состояние католичества в эпоху Возрождения, А.Ф. Лосев писал об утрате западным христианством того периода подлинной евангельской духовности. Место благодатного подвижничества и стяжания даров Святого Духа, по его мнению, заняли нервно-психические иллюзии, основанные на действии греховных страстей (в романе «Княжна Острожская» эту тенденцию духовной жизни мы можем наблюдать на примере образа о. Антонио). По этому поводу владыка Игнатий отмечал: «Блудная страсть научает стремиться к непозволительному совокуплению с постороннею плотию и в повиновениях ей, даже одним услаждением нечистыми помыслами и мечтаниями, изменяет все сердечные чувствования, изменяет устроение души и тела; тщеславие ведёт к противозаконному приобщению славе человеческой и, прикасаясь к сердцу, приводит в нестройное сладостное движение кровь – этим движением изменяет всё растворение (расположение) человека, вводя в него соединение с дебелым и мрачным духом мира и таким образом отчуждая его от Духа Божия» [6, с. 888].

Преосвященный Игнатий писал, что «особое внимание должно обратить на действие тщеславия, которого действие на кровь очень трудно усмотреть и понять... Яд этого наслаждения так тонок, что многие признают наслаждение тщеславием за утешение совести, даже за действие Божественной благодати. Обольщаемый этим наслаждением подвижник мало-помалу приходит в состояние самообольщения; признавая самообольщение состоянием благодатным, он постепенно поступает в полную власть падшего ангела и... делается орудием, апостолом отверженных духов». [6, с. 887]. Жизненный путь соловьёвского иезуита стал не восхождением от мрака к свету, а лишь более глубоким погружением во тьму собственных греховных страстей, что в конечном счёте привело его к духовной и физической гибели.

Соловьёв рисует мрачный образ иезуитского монастыря в городе Вильно. Согласно роману в нём «подземелье имело вид узкого коридора, выложенного камнем, и заключало в себе множество разветвлений. Следы его ещё недавно находили в Вильне. Здесь висели тяжёлые цепи, большая часть которых в то время ещё только ожидала несчастных жертв иезуитской таинственной инквизиции. Но всё же некоторые из этих страшных подземных темниц уже были оглашены человеческими стонами» [1, с. 198]. Вполне закономерно, что при развитии антикатолической темы появляются мотивы страданий, мук, смерти, стираются границы между земным и трансцендентальным бытием человека. Несколькими абзацами ниже прозаик отмечал, что «... иезуиты, всегда любившие разные эффекты, постарались сделать из своего судилища какое-то подобие **мрачной могилы**. Оно помещалось **под землей**. Сводчатые стены и пол – все было чёрное. За чёрным столом сидели судьи, как страшные привидения, скрывая свои лица под масками. Украшение склепа составляли только человеческие черепа да кости. На столе **лежали цепи и орудия пытки**. И всё это озарялось тусклым светом **чёрных восковых свечей**, вставленных в железные канделябры (выделено мною. – Е.Н.)» [1, с. 198]. Атмосфера скорби и страха постепенно сгущается в романе: «... **Отчаянный вопль** и стоны жертв мрачной тюрьмы гулко оглашали низкий свод и замирали в **мёртвом подземелье**... Проходили долгие, **адские часы**, и никто к заточённому не являлся, не приносил ему питья и пищи. Проходили ещё часы, и к его душевным мукам, к его ужасу начинали примешиваться **страдания голода и жажды**... Тщетно кричал он и звал к себе на помощь – никто не мог услышать его, никто не мог явиться на его зов, потому что **голодная смерть** была единогласно присуждена

ему на судилище отцов- иезуитов... (выделено мною. – Е.Н.)» [1, с. 199].

Всеволод Соловьёв писал в финале своего романа: «... иезуиты... неустанно работали всеми своими ужасными средствами, и в немногие годы погубили и обезличили целый прекрасный край русский, подчинили его дряхлой и больной Польше. Однако пришел конец и их владычеству. Они исчезли с оскверненной ими земли русской. Быстрее и быстрее исчезает зло, посеянное ими <...> А на этих развалинах монастыря их создается **Православная Церковь и звучит русское Слово** (выделено мною. – Е.Н.)» [1, с. 247].

Итак, писатель был последователен в своей критике католицизма, т.к. рассматривал его с разных сторон: социально-политической, эстетической и духовно-нравственной. Для такой цели, как мы уже отмечали выше, он не только использовал отрицательные образы героев-католиков (иезуита о. Антонио, княгини Беаты), но и описание застенков иезуитского монастыря.

Известно, что писатель не испытывал каких-либо симпатий к Римской католической церкви. Из-за разногласий со своим братом Владимиром Соловьёвым по этому вопросу он порвал с ним отношения. О стойкости его неприязни к западному христианству свидетельствует и такой факт, что в 1890 году в своем журнале «Север» писатель поместил заметку неизвестного автора за подписью «Братчик» «О церковных делах на Волыни». В ней, в частности, говорилось о том, что римско-католическое духовенство по духу своего учения не может отказаться от борьбы с православием и, лишённое возможности вести её в России открыто, продолжает подпольную борьбу, в которой не знает соперников, и «...при малейшей оплошности с нашей стороны, одерживает больше побед, чем в борьбе открытой» [8, с. 822].

Специально отметим, что восприятие католицизма Всеволодом Соловьёвым (в отличие от его младшего брата, философа Вл. Соловьёва) имело негативный характер. В романе «Княжна Острожская» он изобразил мир западного христианства в исключительно чёрных тонах, при этом он отобразил объективные недостатки православного мира, но основной упор в произведении все же сделан на критику Римской католической церкви. В связи с религиозно-философской проблематикой закономерно рассматривать и жанровую специфику произведения.

Современный теоретик литературы О.А. Богданова отмечает, что весьма часто «историческое созерцание переходит... в новую жанровую форму – «идеологического романа»... как обладающего ясно эмоционально и сильно вы-

раженной авторской идейной тенденцией» [8, с. 286]. «Идеологическая точка зрения автора-повествователя проявляется в романе не как идентификация с «внутренне убедительным словом» какого-либо героя, а непосредственно, в характеристиках персонажей как бы со стороны, в городских пейзажах, философских отступлениях, которые часто перетекают друг в друга, образуя сложное единство» [9, с. 295].

Для соловьевского принципа изображения человека характерно срастание идеи с её носителем, и это проявляется в романе «Княжна Острожская», где представление автора о католичестве предопределило полностью образы о. Антонио, иезуитов и других ревностных католиков. А сама полярность системы образов, публицистические отступления и мысли автора о пороках западной ветви христианской церкви⁴, описание культового искусства Римской католической церкви позволяют нам определить произведение «Княжна Острожская» как историко-идеологический роман.

Примечания

1. Выбранная Вс. Соловьёвым эпоха была полна противоречий национально-конфессионального характера. Но чтобы лучше понять происходящее в романе, нам придётся обратиться к истории христианства. В 1054 году – номинально, а после 1204 г. окончательно христианство разделилось на две основные группы: православную – на востоке и католическую – на западе. В богословии в качестве одного из возможных принято определение понятия «церковь» – как сообщества верующих во Христа, т. е. всех лиц, принявших таинство крещения. В 1596 г. была заключена Брестская уния, согласно которой православные епископы, устав от недоверия и сепаратистских настроений населения, признали юрисдикцию Папы римского и приняли все догматы католической церкви, сохранив при этом в неприкосновенности обряды и язык богослужения. В конце XVI в. православные предали анафеме униатов, а униаты – православных. По воле людей эти два вероисповедания превратились в две враждующие между собой политические группировки.

2. В романе описано начало межконфессионального конфликта. Действие произведения начинается во время праздника по случаю дня ангела Константина Острожского (т.е. литургической памяти святого равноапостольного императора Константина и его матери, царицы Елены) летом 1553 года, когда молодой князь Дмитрий Сангушко впервые встретил и сразу же полюбил племянницу владельца замка, княжну Гелену (Гальшку) Острожскую, которая ответила ему взаимностью. Хотя князь Константин и намерен выдать Гальшку за Сангушко, мать невесты была настроена против этого брака. По совету своего духовника – иезуита Антонио, тайно влюблённого в её дочь, она обратилась за помощью к королю Речи Посполитой. Влюблённые тайно покидают замок и

венчаются (само событие не датировано в романе, однако по данным исторических источников оно произошло в 1553 году) А тем временем княгиня Беата добилась от своего сводного брата-короля специального декрета, по которому её будущий зять был объявлен вне закона. Через несколько дней беглецов настигают преследователи. Княгиню Гальшку насильно водворяют в дом её матери, которая упорно добивается от неё перехода в католичество. Согласно соловьевскому описанию, заточение Елены в доме её матери длилось два года, соответственно её брак датируется 1567–1568 годами, хотя по документальным данным это событие произошло в 1553 году. Беллетрист, таким образом, нарушает хронологию повествования. В это время князь Дмитрий, потеряв память, живёт из милости в доме зажиточного полеского крестьянина. И лишь через два года Сангушко возвращается в замок Константина Острожского, который добивается от своего безвольного монарха отмены декрета и выдачи своей племянницы её законному супругу. Княгиня Беата, не добившись от дочери добровольного согласия на смену конфессиональной принадлежности, с помощью своего духовника готовит насильственный постриг дочери в иезуитском монастыре. Князь Константин освобождает княжну Гальшку, которая с радостью встречается с «воскресшим» супругом. После финальной сцены следует послесловие, в котором писатель кратко повествует о судьбе православной церкви в западноевропейском крае.

3. В связи с молитвенным деланием княгини Беаты, представленным в романе, мы хотели бы обратить внимание на то, что другое повреждение духовной сферы касается молитвы и восприятия человеком Бога не как милосердного Отца, а как некоего абстрактного начала, служащего для достижения какой-либо цели. В Евангелии от Иоанна содержится рассказ о том, как Иисус Христос вопрошал своих учеников: «За кого вы Меня принимаете?» Речь шла о том, зачем человеку нужен Бог? Является ли Он выразителем и исполнителем (зачастую не всегда позитивных) желаний или Кем-то Иным? По мнению современного православного пастыря – проповедника: «Меч разделения, который принес Господь на землю проходит по сердцам людей, где решается самый главный вопрос: «Кто для нас Бог?» Этот меч разделяет человечество на тех, для кого Бог является целью жизни – наивысшей и прекраснейшей, и на тех, кто хочет использовать Его как средство для того, чтобы «примкнуть и наестся». Таких немало, они есть всегда, а иногда их даже большинство» [10, с. 76].

4. И это несмотря на то что Ренессанс для Римской католической церкви был кризисной эпохой, закономерно породившей не только неоязыческое мировосприятие (что нашло отражение в произведении), но и обновление духовной жизни. В этот же период истории жили и творили подлинные ревнители христианского благочестия Тереза Авильская, Хуан де Ла Крус, Фома Кемпейский, Франциск Сальский и другие (позже канонизированные Ватиканом), духовное наследие которых остановило религиозный «застой» в Европе, и вывело западный мир от мрака к свету. К сожалению, позитивные сто-

роны западной духовной культуры не привлекали внимание прозаика. Положительные моменты православной истории также не отразились в произведении, например, подвижничество духовника князей Острожских – святого Иова Почаевского. А сами Острожские, хотя и предствлены людьми благочестивыми, но их деятельность изображена лишь как отражение агрессии со стороны западного христианства.

Список литературы

1. Соловьёв Вс. С. Княжна Острожская. М.: Эксмо, 1994. 380 с.
2. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: Имка-пресс, 1931. 528 с.
3. Булгаков С., протоиерей. Автобиографические заметки. Париж, 1946. 165 с.
4. Успенский Б.А. Богословие иконы. М.: Мартис, 1997. 745 с.
5. Сидоров А.И. Творения аввы Евагрия. М.: Мартис, 1994. 364 с.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1989. 930 с.
7. Игнатий (Брянчанинов) Слово о молитве умной, сердечной и душевной // Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Т. 2. Спб.: Изд-во книго-торговца И.А. Тузова. 1886. 340 с.
8. «Север» (годовая подписка). Спб., 1890. 940 с.
9. Богданова О.А. Идеологический роман // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. М.: Изд-во ИМЛИ. 2009. 490 с.
10. Чекрыгин О., протоиерей. Читая Евангелие (размышления на евангельские чтения). Минск: Изд-во Белорусского экзархата., 2005. 138 с.

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF VSEVOLOD SOLOVYOV'S NOVEL «THE PRINCESS OSTROGSKA»

E.V. Nikolsky

We examine the first historical novel by Vsevolod Solovyov, «The Princess Ostrogska», and reveal the specifics of the author's perception of Catholicism, which is treated in this work as something purely negative and organically unacceptable for East Slavic culture. It is concluded that the novelist's approach is biased and that «The Princess Ostrogska» may be considered an ideological novel.

Keywords: author's worldview, historical fiction, Catholicism, Orthodoxy, the Ostrogski magnates, religious art, religious and philosophical problems of the book.